

Лашаева Свѣтлана Ивановна
Гусев-Оренбургский Сергей Иванович

15	ФОНД №
1	ЛОС. ДАРСТВЕННИЙ АРХИВ
Р-4627	СУМСКАЯ ОБЛАСТЬ

საქონლედი

ПАПКА

ДЛЯ

БУМАГ

„Волшебное кольцо Алон-Талона“. Рассказ. Машинный
с авторских правок.

СУМСКАЯ ОБЛАСТЬ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
№ Р-4627
Б № 1
ВЕРНЫЙ № 51

8/9
На 13 л.
19-01

Волшебное кольцо Алонъ-Толона.

Въ какомъ случилось это царствѣ - не знаю, когда - тоже не скажу. Прочелъ я это въ старинной рукописи, лежавшей на пыльных полкахъ монастырской библиотeki. Сѣдой монахъ поставилъ передо мною на столъ свѣчу въ желѣзномъ подсвѣчникѣ, по ложилъ рукопись, ~~сказалъ~~.

- Исторія сѣя поучительна!

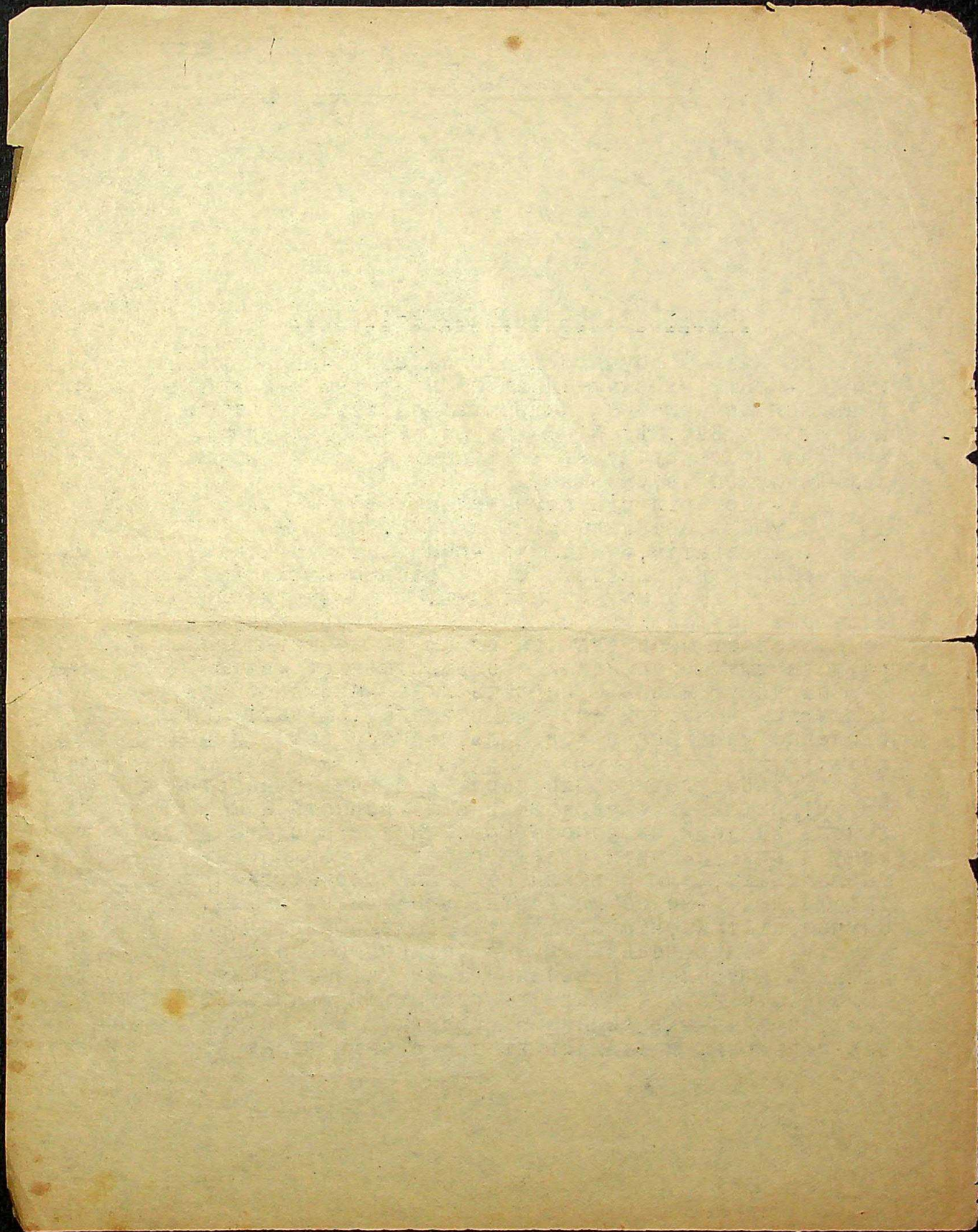
V, сказалъ онъ,

И ушелъ, оставивъ меня одного.

...Савватій, - читалъ я, - былъ сынъ богатыхъ родителей и въ младости своей весьма избалованъ житіемъ роскошнымъ и празднымъ. Цѣлые дни посвящалъ онъ пиршествамъ съ веселыми друзьями, ночи же напролетъ проводилъ за игрою въ кости. Многократно и тщетно убѣждали его родители оставить сію пагубную жизнь и избрать какой-нибудь трудъ, талантамъ и натурѣ его свойственный. Савватій лишь безпечно улыбался и говорилъ, что его время при детъ.

Судьбѣ угодно было послать бѣдствіе на страну ту: пришли съ сѣвера люди зѣло воинственные, видомъ дикіе и звѣроподобные. Они все предавали мечу и огню на пути своемъ, города оставляли въ развалинахъ, села равняли съ землей, богатства расхищали, людей же во множествѣ уводили въ плѣнъ. Случилось такъ, что и Савватій былъ призванъ на службу ратную, весьма въ оной отличился, но былъ плѣненъ и уведенъ, стѣсненный оковами, въ страну далече. Страна та лежала въ густыхъ и дикихъ лѣсахъ, изрѣзанныхъ ~~дѣлами~~ и сердитыми рѣками. На берегахъ рѣкъ и ютились въ древесныхъ шалашахъ

Г быспржи

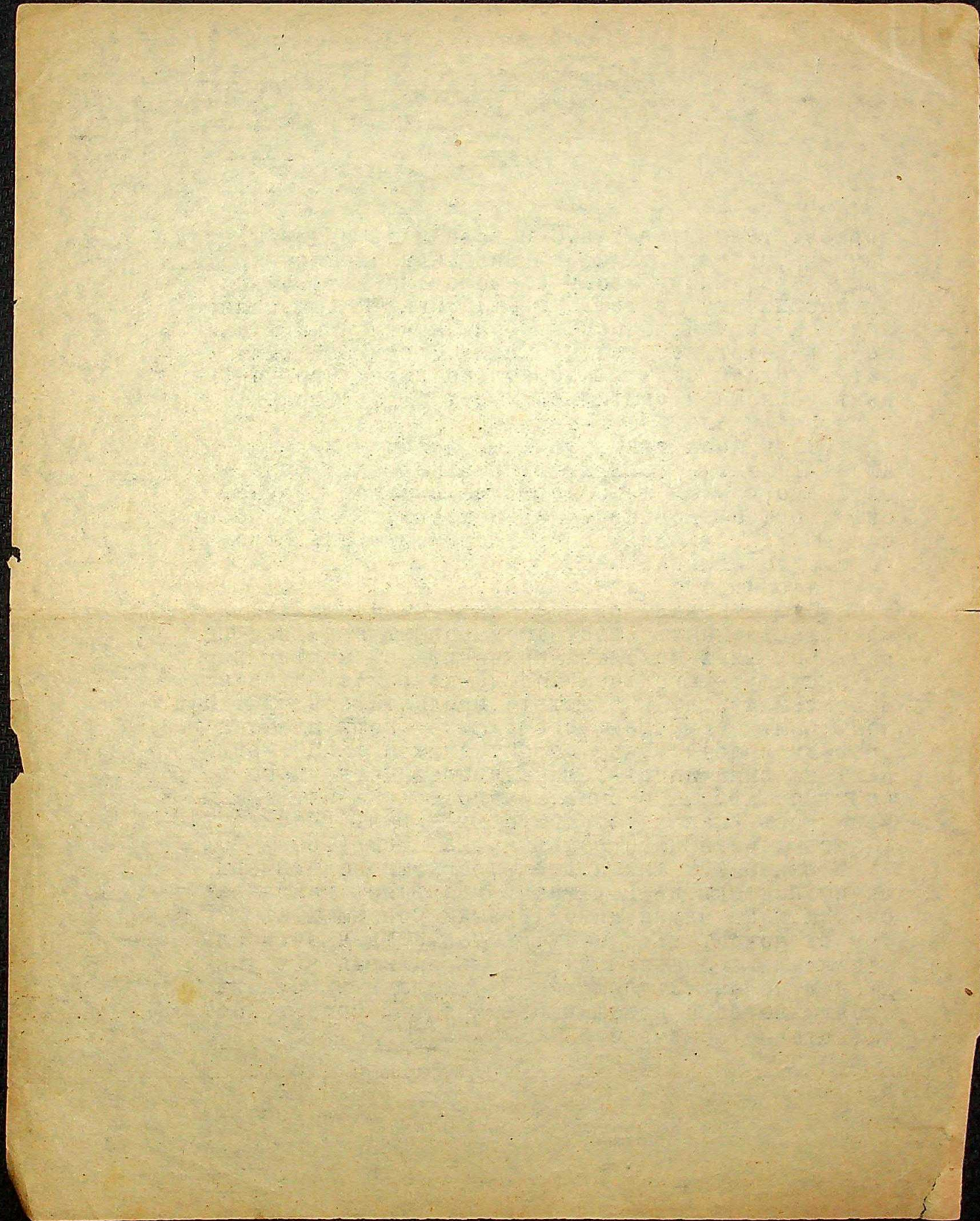
поработители Савватія. Они ходили въ звѣриныхъ шкурахъ, по вѣрѣ были язычники, поклонялись огромному деревянному идолу съ золоченымъ тѣломъ и приносили ему жертвы. Савватій, какъ юноша сильный и красивый, поднесенъ былъ начальникомъ племени въ даръ верховному жрецу. Жрецъ сей былъ ветхъ годами, сѣдъ и косматъ, но глаза его горѣли какъ у юноши и свѣтились умомъ и добротой.

Звали его Алонъ-Толонъ.

Случилось такъ, что всею душой привязался Алонъ-Толонъ къ Савватію. Причиной того была красота его, гордая покорность, съ которою сносилъ онъ рабство свое, неутолимая тоска, тайно сквозившая въ лицѣ, и болѣе того еще, ~~то, что~~ онъ походилъ на его погибшаго сына.

А сынъ его погибъ такъ.

Существовалъ въ племени томъ обычай: во время общественныхъ бѣдствій, моровыхъ язвъ или передъ большимъ походомъ приносить въ жертву идолу иноплеменнаго юношу. Когда-же божество не внило сей жертвѣ и бѣдствіе продолжалось или походъ былъ несчастенъ, собирались юноши племени и бросали жребій между собой. Однажды такой жребій палъ на сына Алонъ-Толона, его единственнаго и безмѣрно любимаго сына. Ничего не сказалъ жрецъ и не могъ сказать: законъ обычая былъ всемогущъ. У ногъ деревяннаго божества, на кострѣ, былъ положенъ связанный юноша. Жрецъ, роскошно одѣтый въ шкуры пантеръ, въ ~~головномъ~~ уборѣ изъ головы леопарда, подъ звуки дикой музыки подошелъ къ костру съ ножомъ въ рукахъ. Въ торжественномъ молчаніи ждала толпа народа, сплошь заливая всю дикую лѣсную поляну. Съ пылающими факелами въ рукахъ стояли четверо помощниковъ жреца у угловъ костра, готовые зажечь его.

Но рука жреца не подымалась.

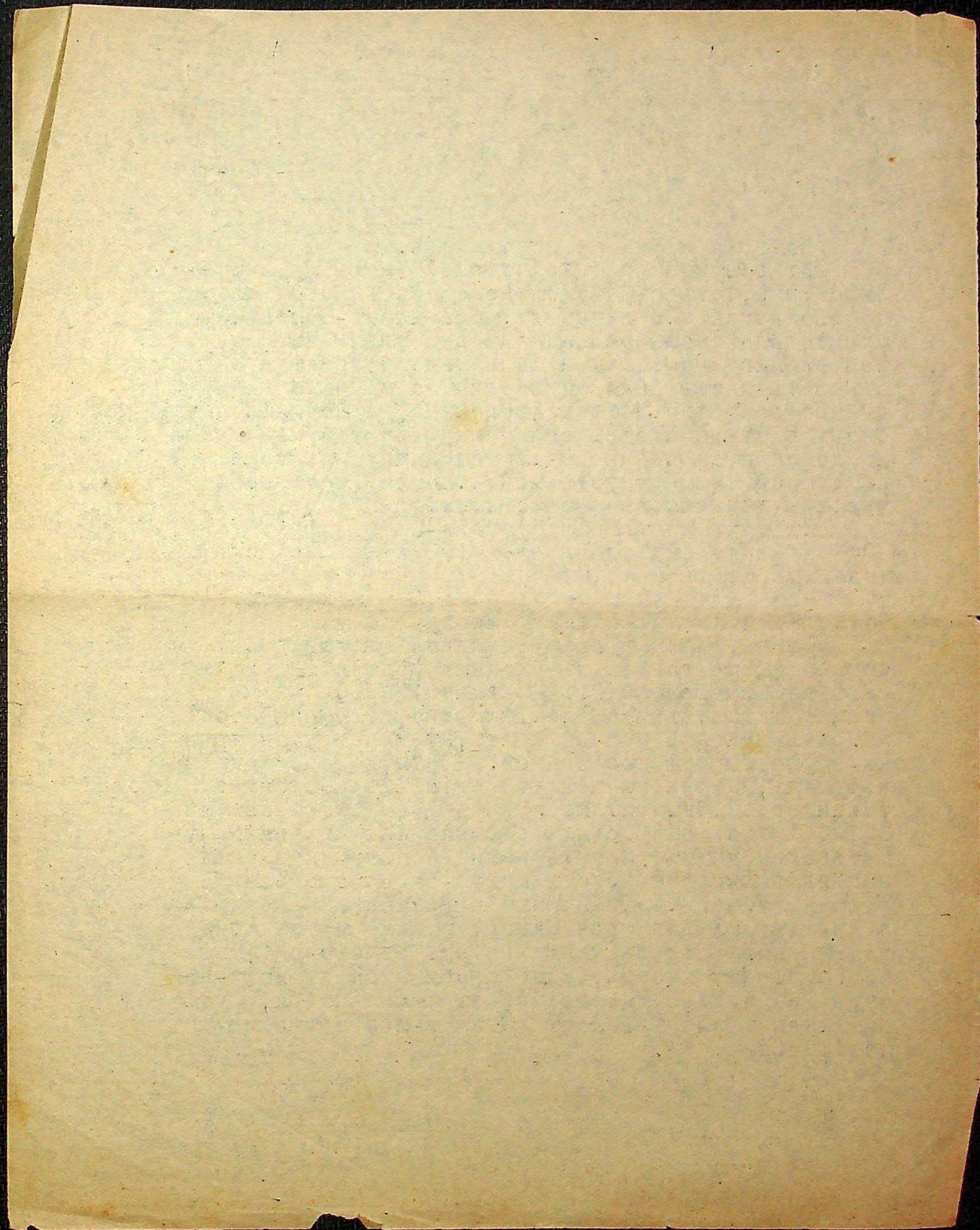
Съ безумной и дикой тоской смотрѣлъ онъ въ лицо сына, тотъ съ нѣжной покорностью отвѣчалъ на его взглядъ. И выронилъ ножъ Алонъ-Толонъ. Съ мучительной мольбою поднималъ онъ глаза къ лицу деревяннаго божества и безмолвно просилъ его отказаться отъ тяжелой жертвы. Но молчало равнодушное божество. Четверо помощниковъ подняли ножъ, снова вложили его въ ослабѣвшую руку и почтительно помогли ей подняться. Жрецъ зажмурилъ глаза. Рука его съ силой опустилась... ~~на самъ онъ безъ чувствъ повалился на тѣло сына.~~

Съ тѣхъ поръ прошло много-много лѣтъ.

Но и до сихъ поръ косматый жрецъ не могъ позабыть этотъ ужасный моментъ своей жизни и въ душѣ его тайно жило негодование на жестокость божества, принявшаго такую жертву.

~~Савватій былъ какъ-бы живое двойникъ его сына.~~ По мѣрѣ того, какъ уходили годы, крѣпъ и мужалъ ~~павший жрецъ~~. Отъ привычекъ праздной жизни его не осталось и слѣда. Тѣло его, полуприкрытое шкурами, приняло мѣдный цвѣтъ, мускулы стали крѣпки и упруги отъ постоянной работы, которой онъ не избѣгалъ, находя въ ней утоленіе отъ постоянной тоски своей. Онъ сдѣлался первый стрѣлокъ изъ лука, побѣждалъ въ боевыхъ состязаніяхъ и никто лучше его не умѣлъ владѣть палицей. Дѣвушки племени заглядывались на него, и никто-бы не отказалъ ему въ рукѣ дочери. Но, покорный, ~~привыкшій~~, гордъ и замкнутъ былъ въ себя Савватій. Даже и отъ единоплеменниковъ своихъ держался онъ въ сторонѣ, только по ночамъ иногда, тайно, пробирался къ кому-нибудь изъ нихъ, ослабѣвшему отъ тоски плѣна, и утѣшалъ. Одинъ Алонъ-Толонъ догадывался объ этихъ посѣщеніяхъ.

V Савватій

Но молчалъ.

Бѣгства его онъ не опасался: изъ этихъ дикихъ дебрей нельзя было бѣжать. Онъ старался прилизить его къ себѣ, выказывалъ ему свое расположеніе. Но Савватій держался почтительно и сдержанно. Алонъ-Толонъ предоставилъ ему на выборъ лучшія изъ своихъ одеждъ, но Савватій предпочелъ имѣть свои. На пиршествахъ онъ сажалъ его рядомъ съ собой, на мѣсто почетное, но Савватій всегда удалялся, подъ разными предлогами, и садился съ рабами. И чѣмъ больше сторонился его Савватій, тѣмъ больше привязывался къ нему Алонъ-Толонъ.

Но вотъ что случилось однажды.

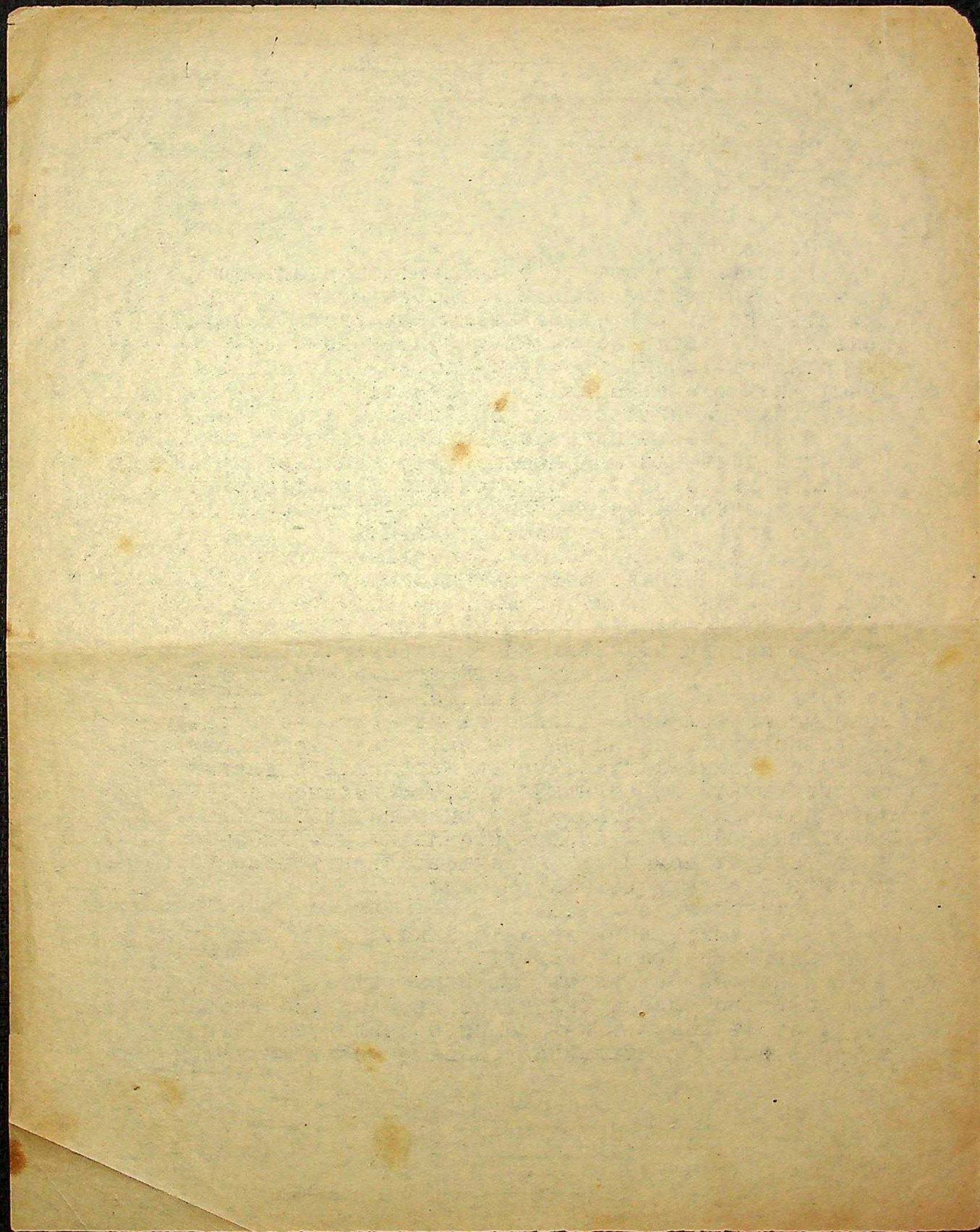
Была у племени война съ сосѣднимъ народцемъ, и война несчастная: разбитымъ на голову вернулось племя въ свои шалаши. Собрался военный совѣтъ и на немъ постановлено было: принести умиловительную жертву разгнѣванному божеству. Случай былъ особенный и жребій палъ на юношу племени. Въ ту же ночь состоялась церемонія. Ночной мракъ вспугнули многочисленныя факелы, въ ихъ багровомъ свѣтѣ волновалась на полянѣ толпа, а надъ нею возвышался и словно фантастически шевелился и двигался гигантскій деревянный богъ, его золоченое тѣло вспыхивало блестками. Все было готово: лежалъ связанный юноша на кострѣ, стоялъ Алонъ-Толонъ на готовѣ, съ ножомъ въ рукахъ, въ своихъ великолѣпныхъ одеждахъ изъ шкуръ пантеры.

Онъ подалъ знакъ.

Заиграла, завыла дикая музыка.

Онъ двинулся къ жертвѣ.

И показалось всѣмъ, отъ игры свѣта и тѣней, что божество слегка склонилось и ждало. Но внезапно во въ этотъ моментъ изъ толпы бросился, съ палицей въ рукѣ, всѣхъ расталкивая сильными локтями, краси

вый человекъ съ лицомъ разгнѣваннаго ангела. Это былъ Савватій. Онъ мигомъ вскочилъ на костеръ, быстрымъ движеніемъ выхватилъ ножъ, разрѣзалъ пути на юношѣ и загородилъ его собой, вставъ передъ Алонъ-Толономъ, и гордо и гнѣвно взглянулъ ему въ лицо.

Жрецъ отступилъ.

Онъ поблѣднѣлъ, пораженный поступкомъ, для всѣхъ святотатственнымъ, но смотрѣлъ съ затаеннымъ и смутнымъ интересомъ.

- Зачѣмъ ты это сдѣлалъ? - тихо спросилъ онъ среди жуткой тишины.

Савватій громко и твердо отвѣтилъ.

- Я поклоняюсь другому богу, истинному Богу, а онъ запрещаетъ кровавыя жертвы!

Еще больше сгустилась тишина.

Всѣ ждали, что разгнѣванное божество сейчасъ метнетъ въ безумца свои золоченныя стрѣлы и даже Алонъ-Толонъ съ опасеніемъ взглянулъ въ недвижное лицо идола.

Но молчалъ деревянный богъ.

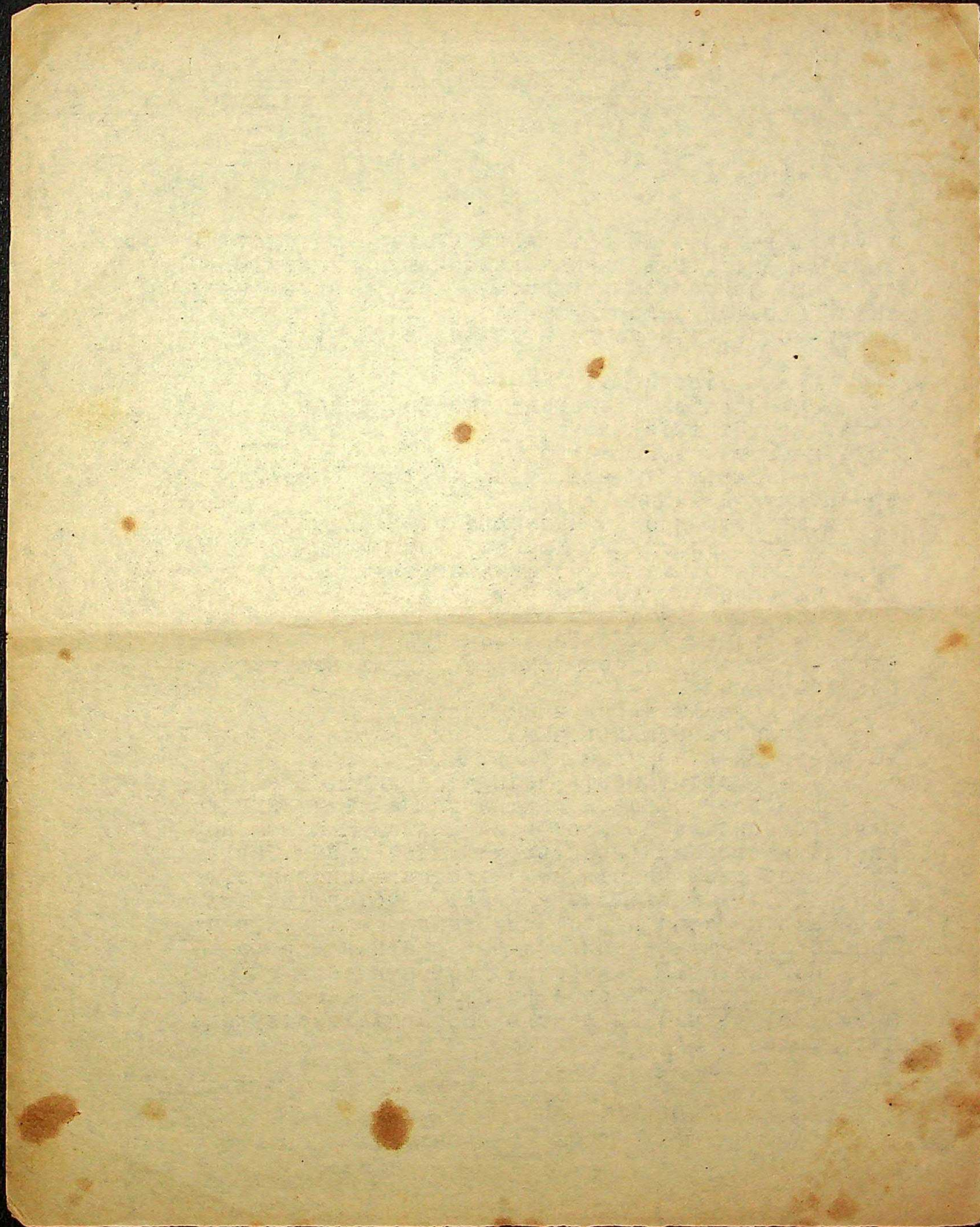
Тогда заматались, запрыгали факелы по полямъ, разросся стогрудый крикъ.

- Смерть, смерть иноплеменнику!!

И вся огромная косматая толпа съ дикими воплями бросилась къ костру, замелькали палицы, ножи, глаза сверкали яростью и жадой крови. Савватій зналъ свою участь, но онъ стоялъ спокойно, гордо смотрѣлъ въ лица враговъ, и готовъ былъ защищать не себя, а свою спасенную жертву. Еще нѣсколько миговъ и кончилась-бы неравная борьба.

Но Савватія загородилъ собой Алонъ-Толонъ.

Онъ выпрямилъ свое сухое тѣло и косматая голова его, увѣчанная шастью леопарда, взметнулась надъ толпой.

- Остановитесь!!

Его властный крикъ заварожилъ.

Всѣ остановились, всѣ смотрѣли, ждали.

- Богъ не принялъ нашей жертвы. И юноша да будетъ свободенъ: чудомъ спасенный не можеть быть жертвой. А Сава не троньте, онъ мой!

Онъ положилъ руку на плечо Савватія.

- Онъ поклоняется своему Богу. Но я научу его поклоняться нашему.

И онъ поднялъ руку къ божеству.

- Не этой-ли жертвы хочетъ богъ?

Такъ сказалъ Алонъ-Толонъ.

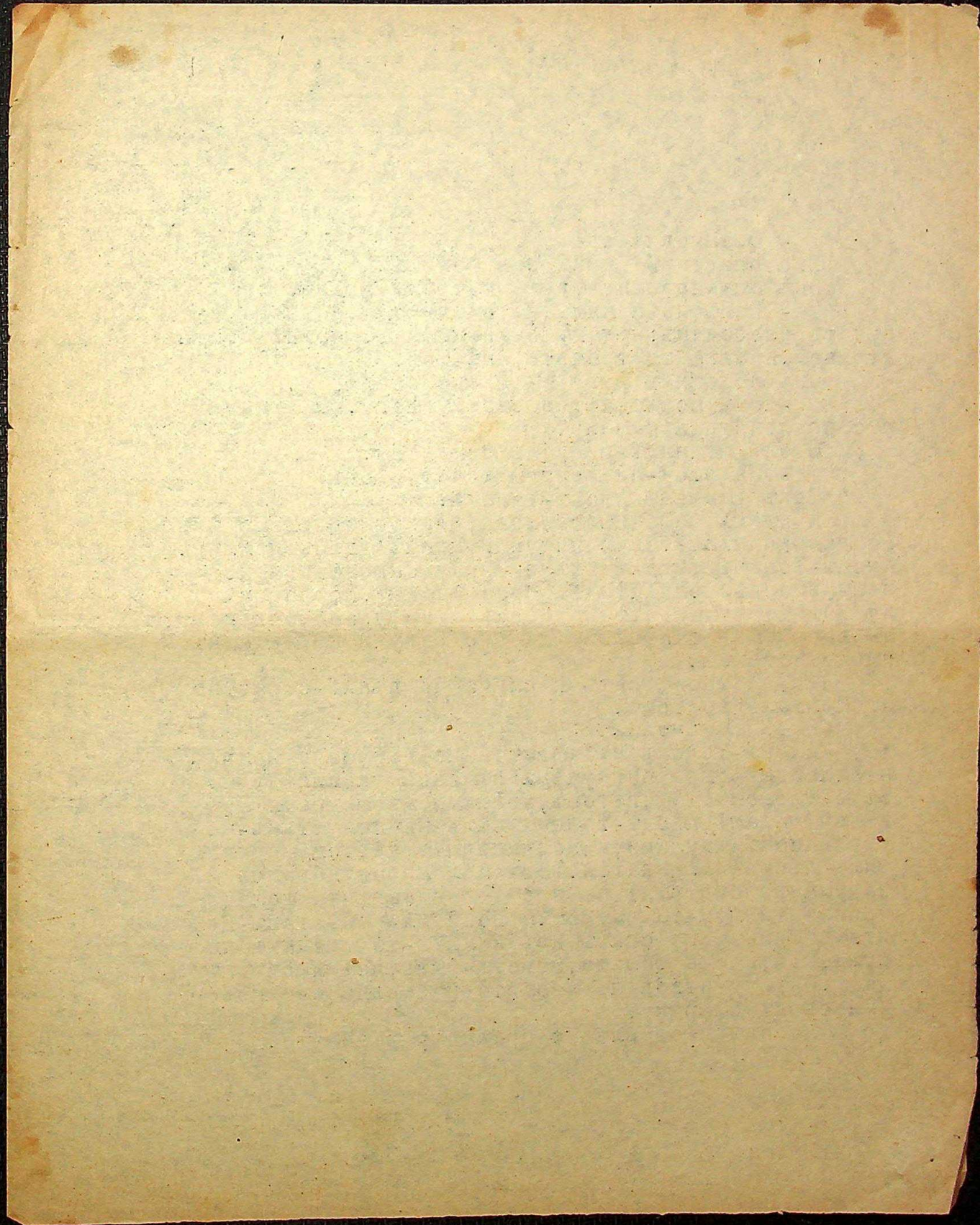
И племя склонило головы, благословенное имъ молча разошлось. Огни потухли, мракъ одѣлъ поляну. Алонъ-Толонъ тихо взялъ за руку Савватія и повелъ его въ молчаніи въ свой шалашъ. По дорогѣ вдругъ метнулась тѣнь передъ ними, упала, обхватила ноги Савватія, схватила его руку и прижала къ губамъ своимъ.

- Я твой братъ и слуга на вѣки! - страстно прошептало во тьмѣ.

И тѣнь исчезла.

Алонъ-Толонъ и Савватій не нарушали молчанія. Каждый былъ погруженъ въ свои тайныя думы. Въ обширномъ и богатомъ, увѣшанномъ шкурами медвѣдей, шалашѣ, Алонъ-Толонъ сѣлъ на полу, такъ-же устланномъ шкурами, и молчаливымъ жестомъ пригласилъ сѣсть и Савватія. Тотъ молча повиновался и задумчиво смотрѣлъ на жреца, понимая, что должно произойти что-то важное. И понималъ онъ такъ-же, что старикъ его спасъ, изъ какихъ-то тайныхъ побужденій, и еще больше, можетъ-быть, изъ любви къ нему. Онъ чувствовалъ все это и сердце его повернулось къ старику.

Но онъ смотрѣлъ по прежнему замкнуто.

- Савъ! - тихо сказалъ Алонъ-Толонъ.
И взглянулъ на него вспыхнувшими глазами.
- Ты можешь обратиться къ нашему богу?
Савватій спокойно и твердо отвѣтилъ.

- Никогда!
- Я это зналъ, - нѣжно улыбнулся жрецъ.
И, помолчавъ, добавилъ задумчиво.
- Должно-быть, твой Богъ милосерднѣе на

шего....

Онъ близко придвинулся къ Савватію.
- Ты знаешь, какъ погибъ мой сынъ? - зашепталъ онъ. Слушай, я расскажу тебѣ. Онъ былъ похожъ на тебя... и погибъ отъ моей руки! О, если-бъ ты тогда остановилъ занесенную руку! - горько вскричалъ онъ, - слушай, слушай, сынъ мой, я расскажу тебѣ....

И Алонъ-Толонъ, таинственнымъ шопотомъ, слово опасаясь, что-бы кто ихъ не подслушалъ, сталъ рассказывать о давно минувшемъ времени. Все его сухое тѣло тряслось и дрожала косматая голова, когда онъ ррисывалъ роковое жертвоприношеніе и гибель любимаго сына. Ни однимъ словомъ не выдалъ онъ живущаго въ душѣ негодованія на жестокость божества своего, но Савватій чувствовалъ это въ каждомъ его словѣ. Ужасъ и сожаленіе волновали его.

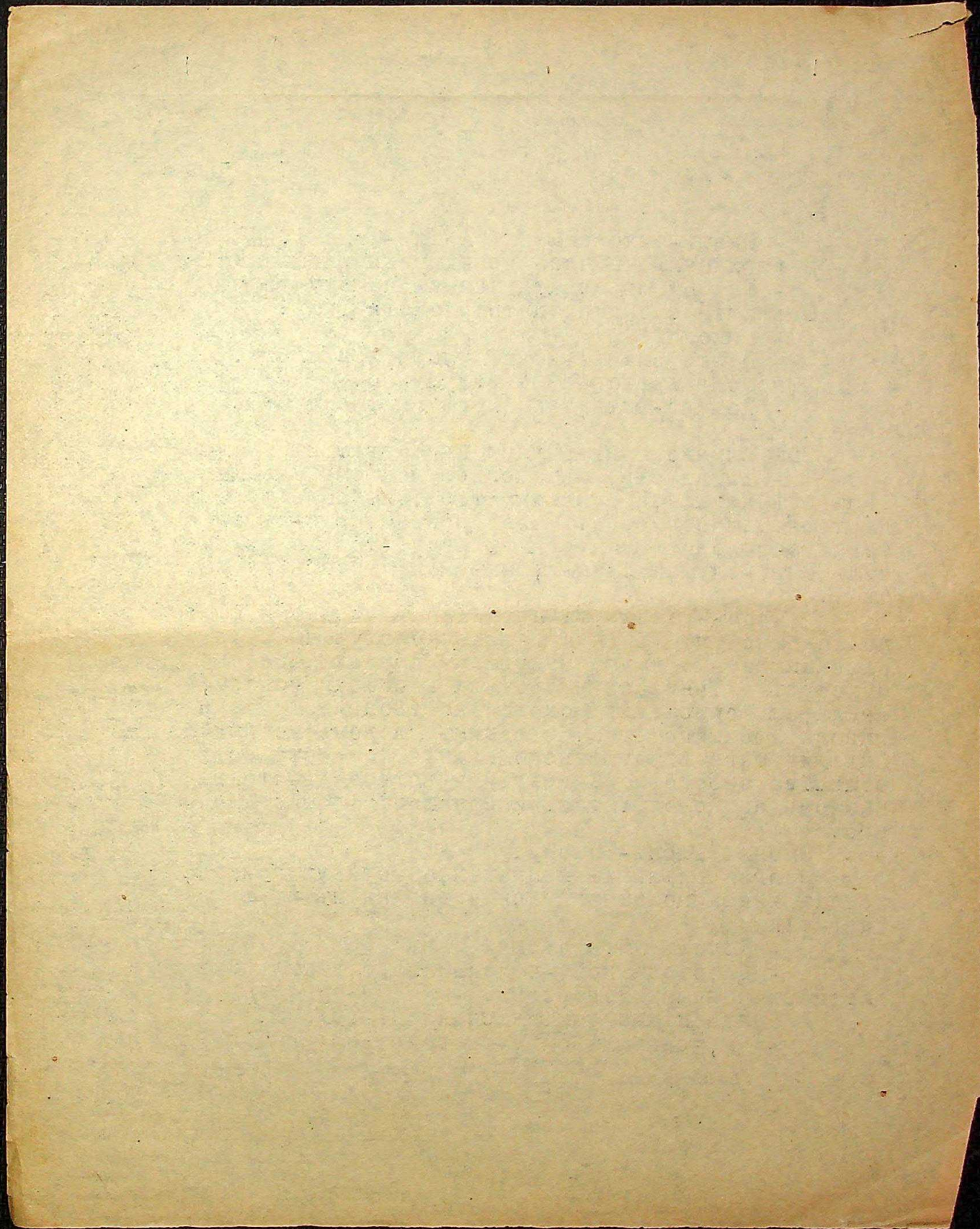
Смолкъ Алонъ-Толонъ.

Долго сидѣлъ въ молчаніи, опустивши голову, потомъ внезапно выпрямился и взглянулъ въ лицо Савватія.

- Хочешь уйти отсюда, Савъ?
- Да, отецъ мой, - немедленно отвѣтилъ Савватій съ полнымъ довѣріемъ.

И опять нѣжно улыбнулся Алонъ-Толонъ.

- Да, - сказалъ онъ, - ты воистину сынъ мой,

и я люблю тебя. Но я обещалъ обратить тебя къ нашему богу, хоть и зналъ, что это невозможно, лишь хотѣлъ спасти тебя. И тебя ждетъ лютая смерть. Что же дѣлать? Вѣжъ отсюда? Какъ? Ты не сдѣлаешь и дня пути: тебя растерзають лютые звѣри или поймають другое племя. Но...

Жрецъ задумался.

- Есть другое средство...

Онъ всталъ и сказалъ.

- Подожди меня.

Поспѣшно вышелъ.

Вскорѣ вернулся, осторожно неся на ладони небольшое черное желѣзное кольцо, въ видѣ свернувшейся змѣи, - красные камешки ея глазъ зловѣще сверкали.

- Взгляни! - сказалъ жрецъ.

Осторожно положилъ кольцо на ладонь Савватія.

- Это кольцо древнее, - сказалъ онъ, - священное. Оно передавалось изъ поколѣнь въ поколѣнья въ нашемъ жреческомъ родѣ. Есть преданье, что оно дано самимъ Божествомъ одному изъ жрецовъ. Въ немъ заключена страшная сила. Но родъ нашъ на мнѣ кончается, мнѣ некому передать его...

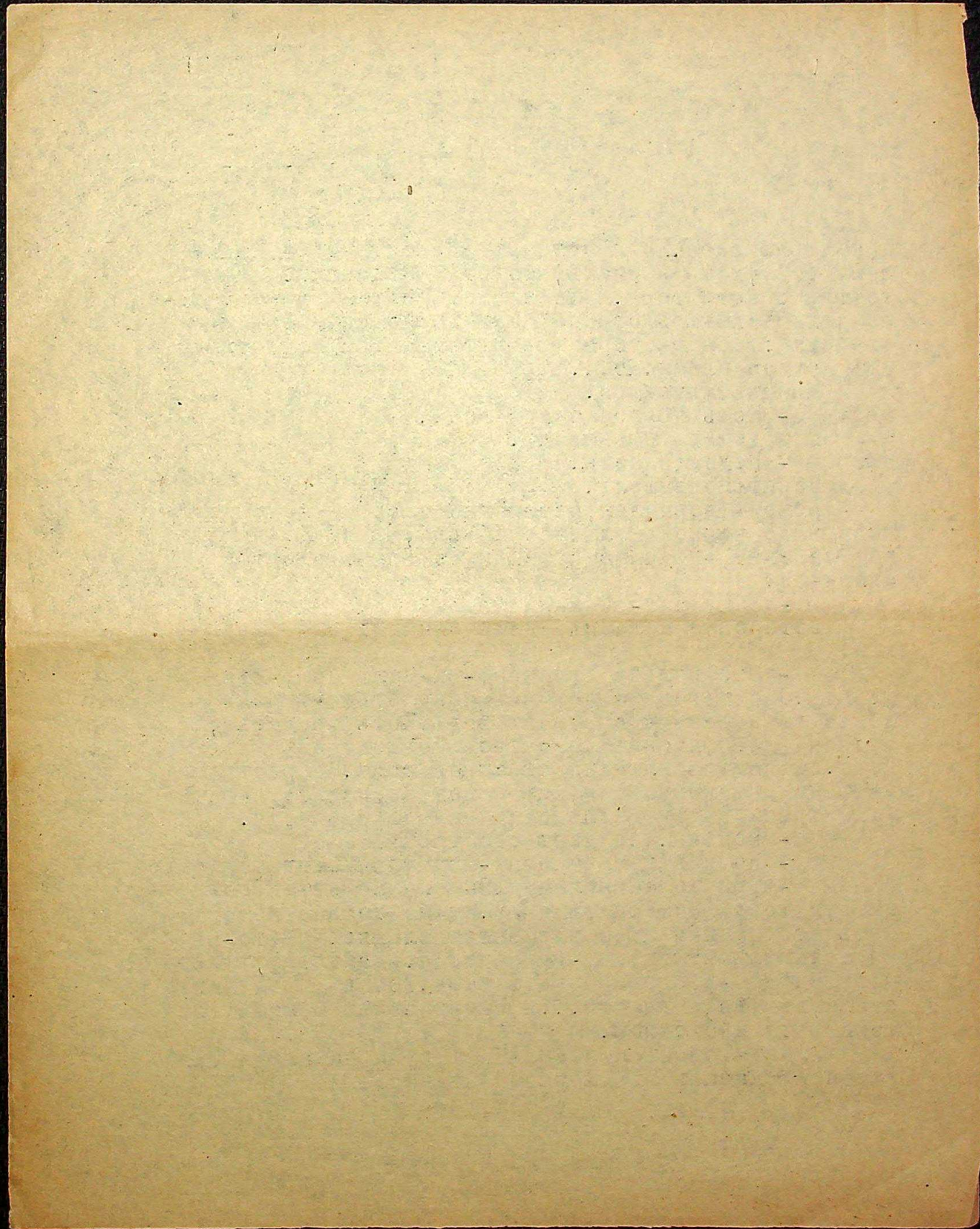
Жрецъ надѣлъ кольцо на палецъ Савватія.

- Возьми... я дарю его тебѣ!

- Но зачѣмъ мнѣ оно? - изумился Савватій.

- Три желанья человѣка оно можетъ исполнить, и тогда потеряетъ силу. Нужно только повернуть его на палецъ и выразить желанье. Но что-бы ни пожелалъ человѣкъ, - исполнится. Богатство, власть, могущество, - все оно можетъ дать. Все, въ предѣлахъ земли, въ твоей власти... и самую землю можешь уничтожить ты его силою.

Алонъ-Толонъ положилъ обѣ руки на плечи Савватія и сказалъ съ скорбной нѣжностью.

- Поцѣлуй меня, сынъ мой, на прощанье...и вырази желанье очутиться въ странѣ твоей.

- И это возможно? - все больше поражался Савватій.

- Развѣ ты не слыхалъ?

- ~~Одинъ?~~

- Хотя-бы со всемъ нашимъ племенемъ. Но я... доверю тебѣ.

Савватій порывисто и крѣпко поцѣловалъ жреца. Тотъ сѣлъ, опустился на полъ какъ разслабленный, поникъ лицомъ.

- Поверни кольцо...и вырази желанье, - сказалъ онъ еле слышно.

Еще ниже опустилъ голову и ждалъ.

Но Савватій медлилъ.

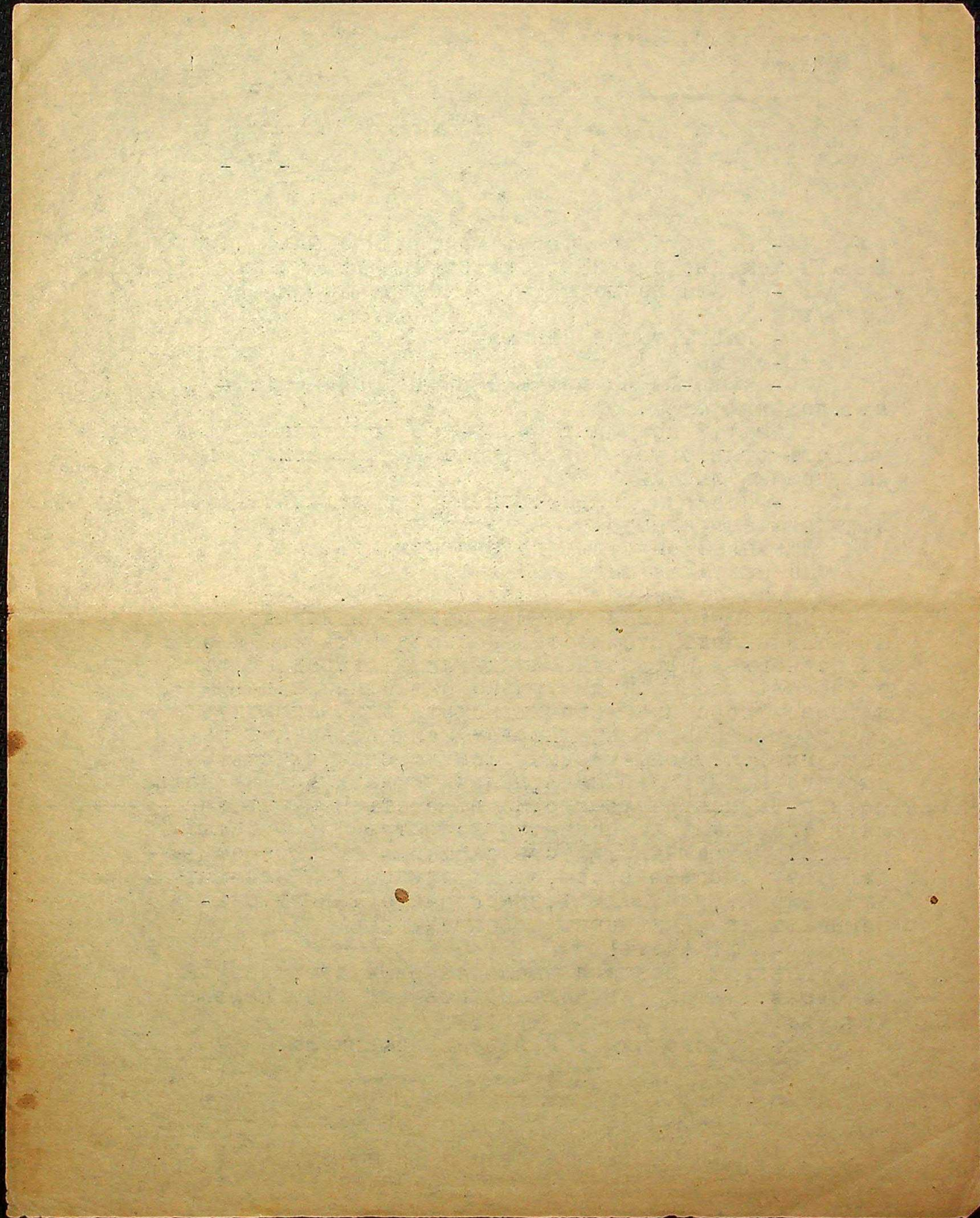
Страшное искушеніе овладѣло имъ.

Ни минуты не усумнился онъ въ волшебной силѣ кольца. Вотъ стоило только повернуть его и онъ въ родномъ домѣ, среди милыхъ лицъ, свободный, въ отечествѣ своемъ. И не только онъ одинъ... всѣхъ плѣнныхъ сородичей своихъ можетъ онъ захватить съ собою. И это только первое желанье! А тамъ передъ нимъ... богатство, могущество, сила, власть! Сердце его крѣпко забилось, пальцы схватились за кольцо, что-бы повернуть его. Но въ этотъ моментъ взгляды его упалъ на поникшую косматую фигуру старика...и страшная жалость охватила его. Все отдалъ ему, любовью своею, этотъ одинокій и несчастный старикъ, все отдалъ, ничего не оставилъ. Онъ-ли покинетъ его, какъ сынъ неблагодарный?

- Нѣтъ! Нѣтъ!

Внезапно свѣтлая мысль озарила его, тронула до слезъ...вѣдь онъ могъ отдать ему свое первое желанье!

Онъ крѣпко сжалъ кольцо и повернулъ.

Сурово прошепталъ.

- Пусть явится сынъ Алонъ-Толонъ!

Замеръ, ожидая.

Что-то странное происходило въ природѣ. Сло-
вно вздохъ прошолъ, тревожно зашумѣлъ лѣсъ, вздрог-
нула безшумно земля. Завылъ гдѣ-то далеко волкъ
съ тоскливой жалобой, безпокойнымъ хоромъ закри-
чали сонныя птицы и съ нимъ слились вспугнутыя
крики звѣрей въ ихъ лѣсныхъ логовищахъ. И будто
неба достигъ этотъ тревожный вздохъ ночной приро-
ды, достигъ... и растаялъ.

И стала нѣмою снова ночная тишина.

Старикъ медленно поднялъ скорбное лицо, какъ-
бы ожидая увидѣть пустое мѣсто тамъ, гдѣ сидѣлъ
Савватій.

И взглянулъ удивленно.

Савватій спокойно снялъ кольцо и протянулъ
его Алонъ-Толону.

- Твое кольцо потеряло силу, - сказалъ онъ.

- Ты ошибаешься, - отвѣтилъ Алонъ-Толонъ въ
недоумѣннѣ, - развѣ ты не слыхалъ, что происходило
въ природѣ? Но... должно-быть... ты пожелалъ чего-
то труднаго!

Онъ смотрѣлъ пытливо.

- Чего-же ты пожелалъ?

Савватій молчалъ.

- Тогда пожелай еще разъ, - тихо сказалъ
Алонъ-Толонъ.

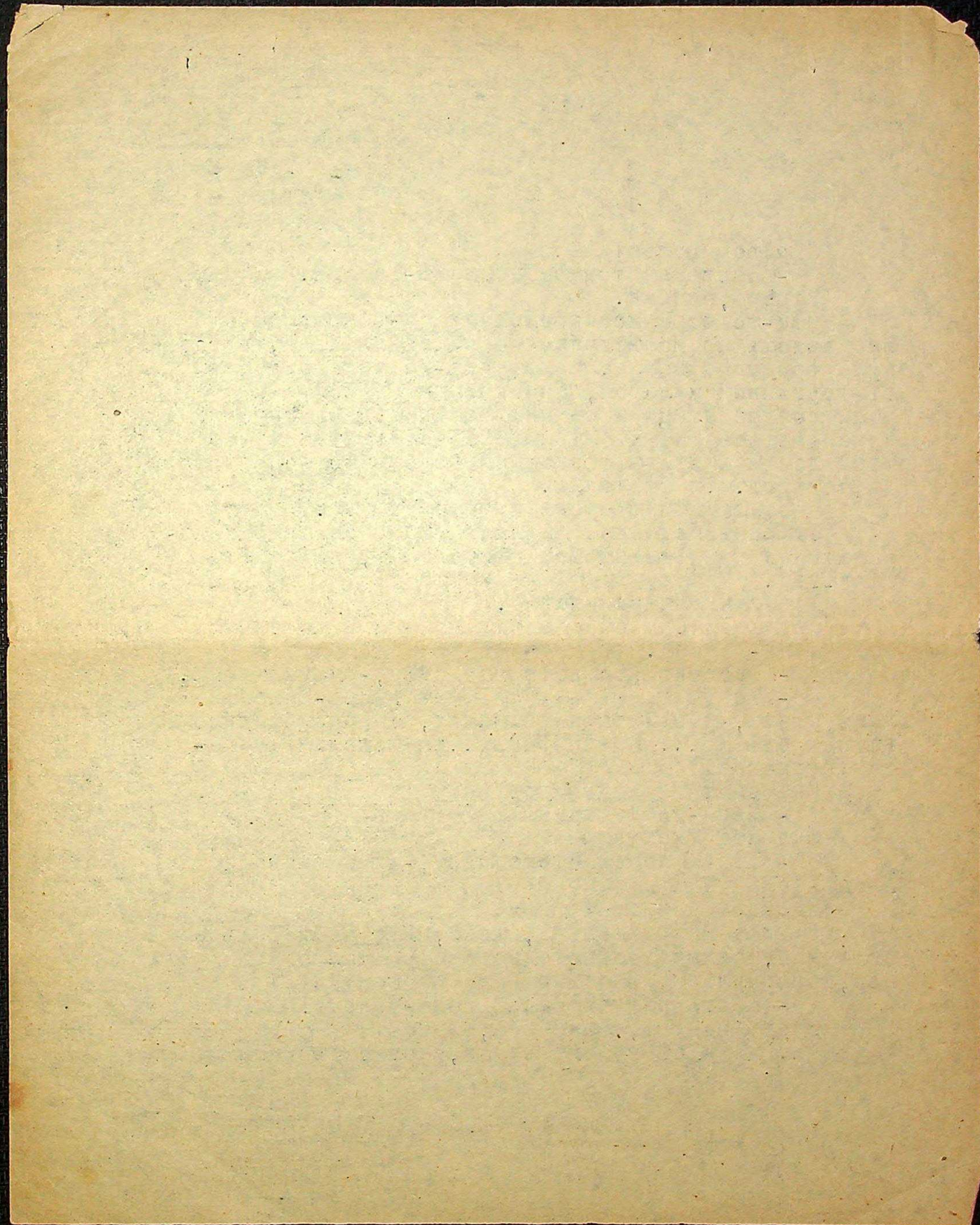
И снова опустилъ лицо.

Савватій рѣшительно, рѣзко, ни о чемъ больше
не думая, полный только одного страстнаго жела-
нья, повернулъ кольцо и строго прошепталъ.

- Пусть явится сынъ Алонъ-Толонъ!

Вновь замеръ, нахмурясь, ожидая.

Дрогнула съ гуломъ земля, словно громадный

железный конь ударил по ней копытом. Высоко над лесом в небе как-бы загремели боевые трубы, потрясая тьму раскатами, и со свистом, со воем, со воплем пронесся по лесу, сгибая деревья, ветер, похожий на вздох великана. Снова яростные крики зверей смешались с испуганным гомоном птиц.

Минута....

И все смолкло.

Вновь стала нѣмой ночная тишина.

Старик вскинул косматую голову и поразился: все на том-же мѣстѣ сидѣлъ Савватій и снова протягивалъ ему кольцо.

- Въ немъ нѣтъ больше силы!

- Но развѣ-жѣ ты не слыхалъ, - вскричалъ Алонъ-Толонъ, - развѣ-жѣ ты не слыхалъ, что дѣлалось въ природѣ?!

Онъ смотрѣлъ испуганно.

- Въ чемъ-же твое желанье?!

Пытливо заглядывалъ ему въ лицо.

- Должно-быть, желанье твое внѣ предѣловъ земли... оно коснулось неба?!

Савватій угрюмо молчалъ.

- И ты не желаешь отказаться отъ него?

- Нѣтъ! - рѣзко отвѣтилъ Савватій.

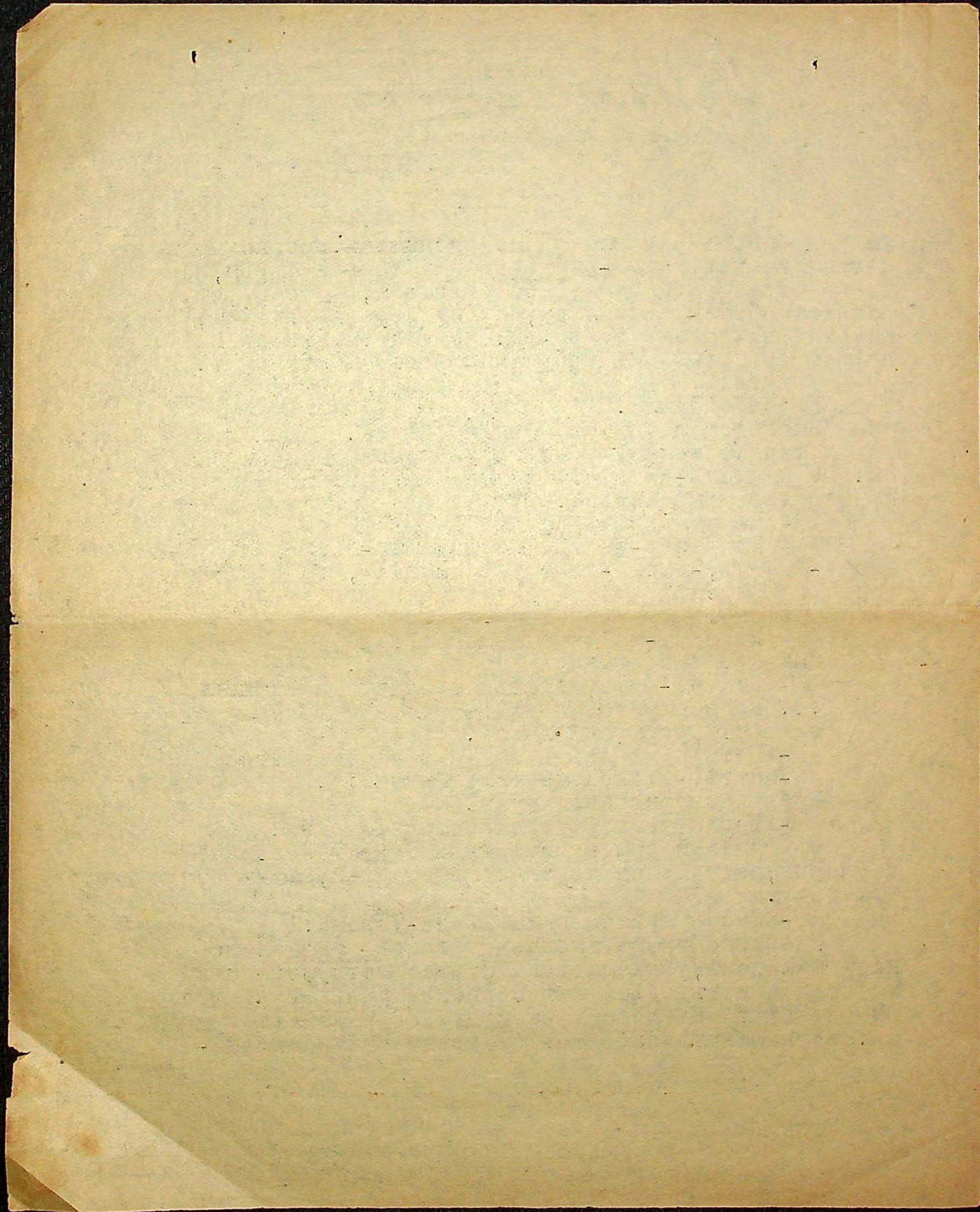
Жрецъ покорно вздохнулъ.

- Тогда повтори его послѣдній разъ.

Съ гнѣвной силой повернулъ Савватій кольцо и упорно, возмущенно, повелительно крикнулъ въ ную тьму.

- Пусть явится сынъ Алонъ-Толона!!

Внезапно громъ тысячу тресковъ раскатился надъ шалашомъ, у входа вспыхнуло и метнулось пламя молній и въ свѣтѣ ихъ обрисовалась фигура юноши съ свѣтлымъ лицомъ, съ кровавой раной въ груди. Сверкающимъ взглядомъ смотрѣлъ онъ на Алонъ-

Толоня и какъ далекій вздохъ прозвучалъ его голосъ, медленно и раздѣльно произносившій слова.

- Я посланъ сюда только для того, что-бы показаться отцу, и сказать ему, что онъ... прощенъ! Но не тѣмъ, кѣмъ думаетъ...

Видѣніе медленно исчезло.

Снова нѣмою стала глухая ночь.

И была задумчива тишина ея.

Алонъ-Толонъ стоялъ, выпрямившись во весь свой высокій ростъ, вскинувъ косматую голову и взгляды его юношескихъ глазъ сіяли нѣжностью, восторгомъ, удивленіемъ.

- Ты... ты! - повторялъ онъ, - ты хотѣлъ вернуть мнѣ сына! Ты пренебрегъ всѣми сокровищами міра... для меня! Для меня!

Онъ медленно подошелъ и съ торжественностью положилъ руку на плечо Савватія.

- Твой Богъ воистину милосердъ! Я хочу узнать его. Отнынѣ ты сынъ мой, единственный, и на родъ вѣры твоей - мой! Соберись, пойдѣмъ!

- Куда? - взглянулъ Савватій.

- Въ страну твою!

- Съ тобой?!

- Со мной! Я жрецъ и по всѣмъ лѣсамъ нашимъ пройду свободно.

Савватій радостно вспыхнулъ.

И припалъ къ рукамъ старика.

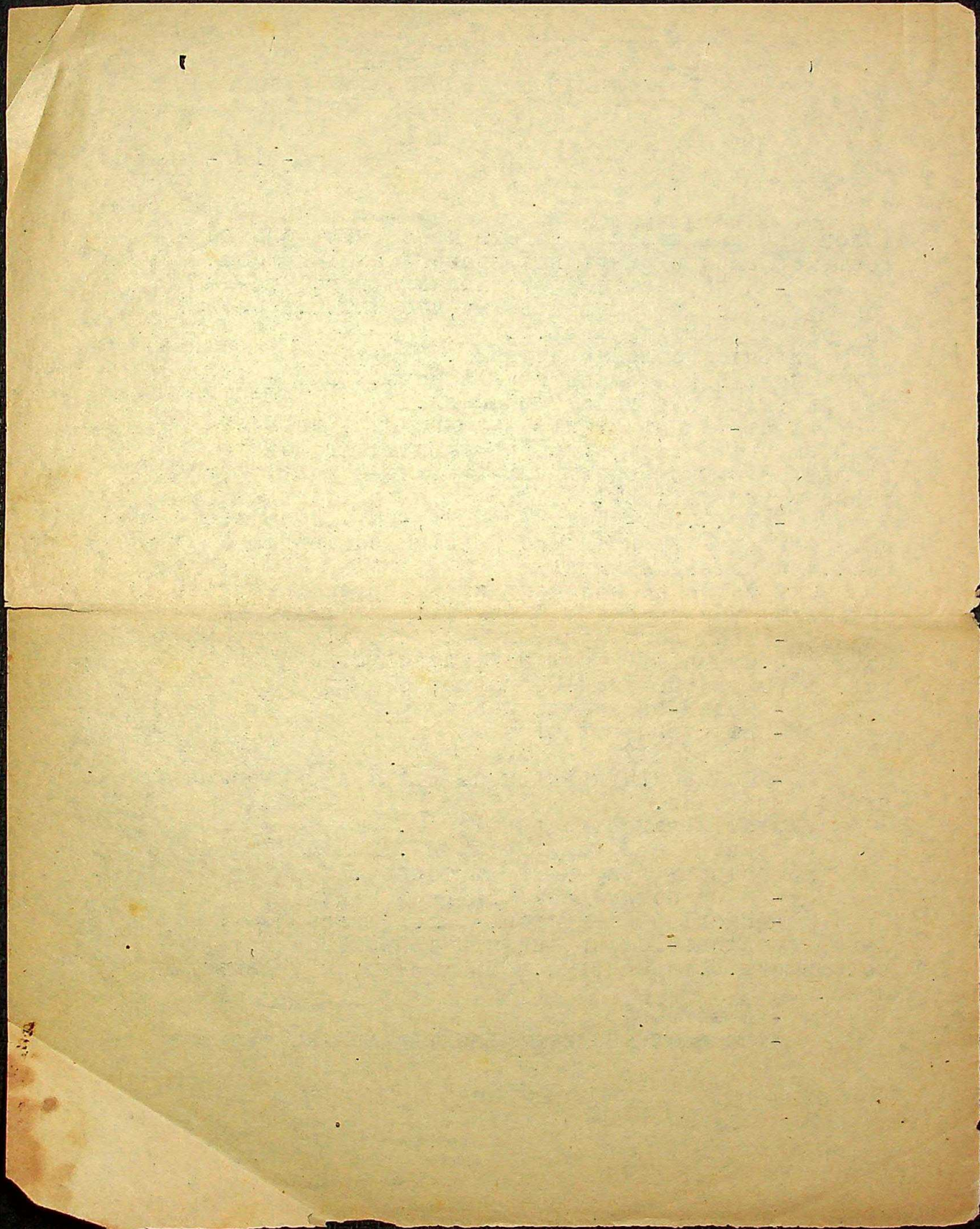
Но тотчасъ вскричалъ съ тоскою.

- Я не пойду безъ братьевъ моихъ!

- Развѣ братья твои, - тихо заглянулъ въ лицо его Алонъ-Толонъ, - не мои теперь? Пойди, тайно собери ихъ... торопись... ночь длинна, мы уйдемъ далеко....

~~- А погоня?~~

~~- Не бойся! Надѣлаю имъ я выставлю знакъ~~

~~свидѣній тайны и никто не осмѣлится проникать~~
~~въ нее, пока не будетъ уже поздно и божество....~~
 - А божество? чуть зачѣтно усмѣкнулся Сав-
 ватій.

~~Алонъ-Толонъ загадочно отстрѣтилъ.~~

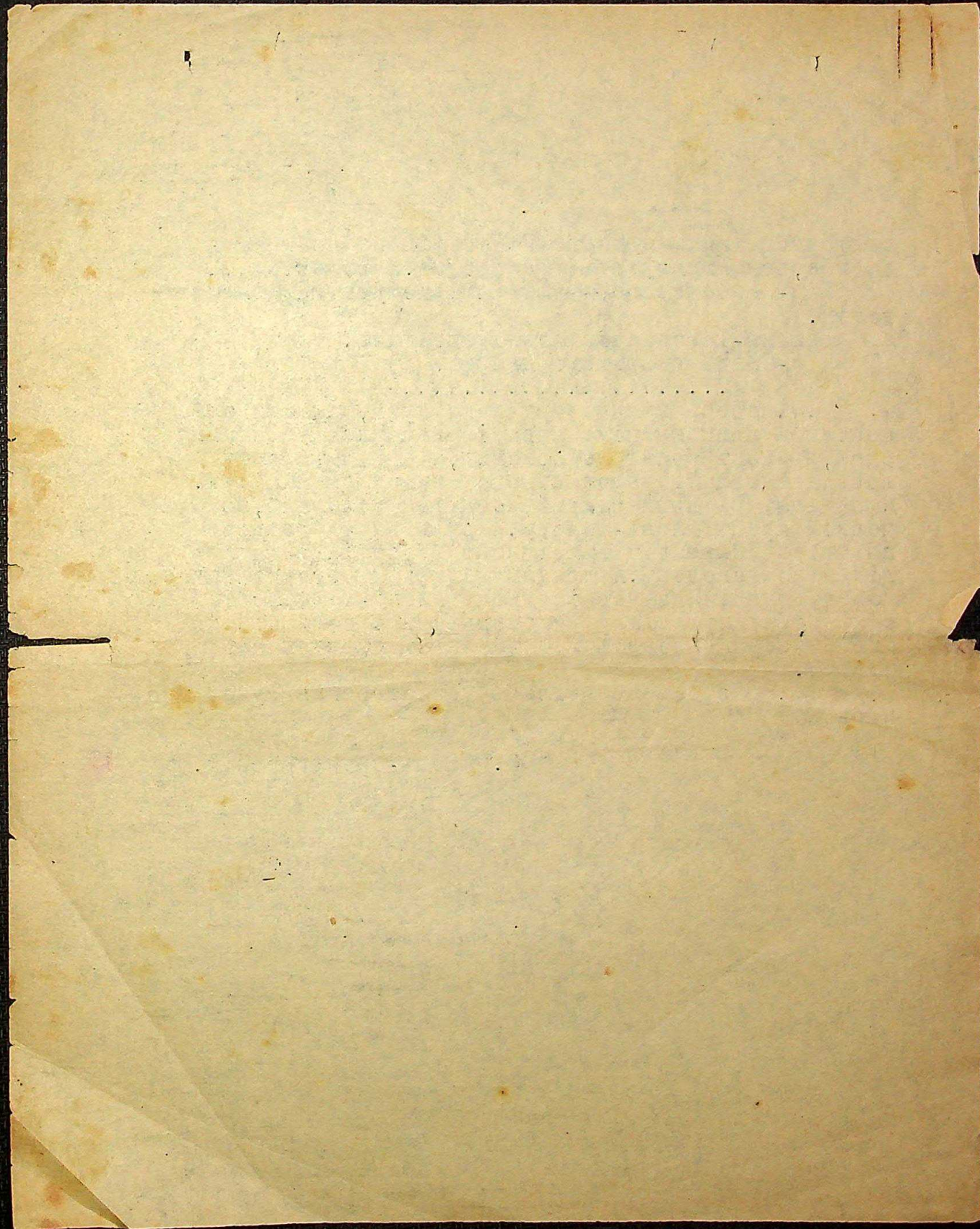
~~Вѣдь я продохъ не имѣю!~~

.....

...Черезъ мѣсяцъ труднаго пути, полнаго опас-
 ностей и приключеній, Савватій вернулся въ страну
 свою, въ домъ родителей своихъ, а съ нимъ верну-
 лось двѣнадцать человѣкъ его единоплеменниковъ.
 И пришолъ съ ними старый, косматый человѣкъ, язы-
 ческій жрецъ Алонъ-Толонъ. И былъ въ послѣдствіи
 извѣстенъ Савватій въ отчизнѣ своей какъ выдаю-
 щійся полководецъ. А дряхлый епископъ его роднаго
 города, бывшій языческій жрецъ Алонъ-Толонъ, стя-
 жалъ себѣ иную славу милосердіемъ своимъ и поко-
 ряющей сердца добротою. Онъ извѣстенъ ~~не въ~~ ~~иже~~
~~иже~~

...На этомъ обрывалась монастырская руко-
 писъ....

С. Гусевъ-Оренбургскій.

ЗАЯВИТЕЛЬНАЯ НАДПИСЬ

В данной деле прокурором 13 листов

(примечайте)

09. 08. 90.

Арх. 1 кай.

Меня